

ЧИТАЯ ЗАЙЦЕВА*

Леонид Яковлевич Жмудь

Институт истории естествознания и техники РАН,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; l.zhmud@spbu.ru

Статья представляет собой размышление о личности и разностороннем научном и педагогическом наследии филолога-классика, профессора Ленинградского университета Александра Иосифовича Зайцева, принадлежащее его ученику, коллеге и редактору серии его трудов. Дается обзор серии «Из наследия А. И. Зайцева», охарактеризованы прижизненные и посмертные публикации его работ, анализируется их восприятие в разных сферах — в университете и широко за его пределами. Автор ставит вопрос: почему ученый такого масштаба известен и почитаем непропорционально его исследовательскому, педагогическому и человеческому таланту? Портрет неизменно чуткого к своим ученикам учителя, который определил творческий путь, жизненные принципы и представления об этике научной деятельности нескольких поколений ленинградских / петербургских классиков, неотделим в статье от методологии гуманитарных исследований.

Ключевые слова: И. Зайцев, научное наследие, история классической филологии, культурный релятивизм.

За последние годы, готовя к изданию труды А. И. Зайцева, я читал их более систематически, чем это было при его жизни. Хотя при таком прочтении что-то неизбежно становится привычным и ускользает от внимания, другие вещи, на которые я раньше особого внимания не обращал, наоборот, приобретают более ясные очертания. Сегодня я хотел бы поделиться с вами не только своими наблюдениями редактора, но и размышлениями о том, как письменное наследие А. И., его завершённые и незавершённые работы соотносятся с памятью о его личности.

Сначала немного слов о серии «Из наследия А. И. Зайцева». Ее первый том содержит исправленное и дополненное издание его книги о культурном перевороте в Греции, статьи на эту тему, а также неизданные доклады, с которыми он выступал в ходе памятных многим обсуждений книги в Ленинградском университете в 1980 и 1981 гг., а затем и в Констанцском университете, уже после выхода немецкого перевода книги.¹ В том «Избранных статей» вошли 72 работы, т. е. все имевшие более или менее законченный характер статьи и доклады.² Третий том представляет собою лекции А. И. по истории греческой религии и мифологии, которые, помимо нашей серии,³ вышли еще раз в московском издательстве Academia в виде учебника, на плохой бумаге, но зато большим тиражом.⁴ Четвертый том состоит из трех больших работ А. И. — его дипломного сочинения о сатировой драме Эсхила «Прометей — возжигатель огня», кандидатской диссертации о гимне Диоскурам Алкмана

* Доклад, прочитанный на торжественном заседании, посвященном 80-летию проф. Александра Иосифовича Зайцева. Санкт-Петербург, 31 мая 2006 г.

¹ Zaicev, 2000.

² Zaicev, 2002.

³ Zaicev, 2004.

⁴ Zaicev, 2005.

и второго издания его книги о происхождении греческого гексаметра.⁵ Пользуюсь случаем выразить свою искреннюю признательность всем участвовавшим в издании серии, в первую очередь Н. А. Алмазовой, соредактору второго тома, А. Л. Верлинскому, написавшему предисловие к этому тому, В. В. Зельченко, соредактору четвертого тома, а также всем, кто работал с архивом А. И., набирал, сканировал, правил, проверял и помогал советом — без их деятельного и бескорыстного участия осуществить это предприятие было бы невозможно.

В оставшийся, пятый том серии (если он выйдет) должно войти всё остальное, пригодное для публикации, например, читавшиеся в Москве лекции о Пиндаре, тексты курсов по истории греческой литературы и греческого государства, доклады о культе Эдипа, часть спецкурса по Эдипу, несколько небольших статей и ряд других работ. Поскольку эти труды не готовились А. И. к печати, работы здесь особенно много, кроме того, не хочется упустить ничего из достойного для публикации, а значит, нужно еще раз просмотреть его архив. Здесь очень важно, как мне кажется, соблюсти меру и издать действительно то, что сам А. И. считал бы в принципе стоящим внимания читателей. Его критерии были достаточно жесткими: узнав, например, о задуманном нами издании его статей, он его быстро пресек, сказав, что многие из них ему не нравятся, и предложил заняться этим после его смерти. Сейчас приходится выбирать исходя уже из собственных представлений, и выбор этот, если речь идет о неопубликованных вещах, не всегда очевиден. Есть, например, положительная рецензия на книгу академика В. Н. Топорова об Энее, положительная в том смысле, что А. И. одобряет ее, так сказать, духовное содержание, а не научные построения. Есть публицистическая статья о дате основания СПб университета, здесь А. И. солидаризировался с точкой зрения родного ему учреждения, а вот мое учреждение (ИИЕТ РАН) ее всячески оспаривало. Впрочем, сейчас этот спор, кажется, потерял свою актуальность.

Я говорил о пятом, последнем томе серии, но за ее пределами остается несколько важных трудов. Вышел учебный курс А. И. по греческой метрике под редакцией его ученицы В. П. Смышляевой.⁶ Аналогичный, но гораздо более обширный курс А. И. по исторической грамматике греческого языка уже более 15 лет готовится к изданию Т. Б. Путиловой. Уверенности в том, что эта работа будет когда-либо закончена и опубликована, у меня нет, хотя надежда на это еще не умерла. Еще более смутными выглядят перспективы издания комментария А. И. к платоновским «Законам». Собственно говоря, комментарий как такового нет, есть записи того, что говорил А. И. на занятиях, сделанные самым стойким участником семинара В. А. Гуровым. Можно ли будет когда-нибудь превратить их в комментарий, кто мог бы этим заняться, в каком виде их издавать — на эти вопросы пока у меня ответа нет.

Глядя на труды А. И. с редакторской, т. е. заведомо узкой точки зрения, следует сказать, что педантом он не был. Такие вещи, как унификация имен, единообразие сокращений и прочие маленькие радости редактора его не очень волновали, имя Мильмена Пэрри, например, он писал четырьмя разными способами. В книгах он честно пытался справиться с огромным фактическим и библиографическим материалом, но это не всегда удавалось. Что касается стиля, то сам А. И. не

⁵ Zaicev, 2006.

⁶ Zaicev, 2010.

раз признавался, что научить русской стилистике, в отличие от латинской, он не смог бы. Здесь, впрочем, можно выделить несколько этапов эволюции его стиля. Ранние работы, включая аккуратно написанный диплом, безыскусны, суховаты, но точны. В кандидатской диссертации мысль как бы опережает слово, стремление к стилистической завершенности слабеет, так что править этот текст пришлось не один раз. Многие поздние работы, особенно статьи, написаны просто блестяще, некоторые не лишены и риторических приемов, например, начало его статьи о мифе: «До каких пор мы будем рассуждать о мифе, не согласившись прежде, какое содержание вкладываем мы в это понятие?» (Зайцев, 2002, 446). Впрочем, к славе Цицерона А. И. всерьез никогда не стремился, рукописные тексты его курсов, например по греческой мифологии, содержат очень немногие следы правки и никаких следов мучительной борьбы со словом. Курс писался практически на-бело, с экономией не только собственного времени, но и бумаги (вообще, многие работы написаны на оборотках деловых бумаг или чужих трудов). Статьи, написанные по-немецки, в этом плане от русских ничем не отличаются, во французской статье следов правки гораздо больше.⁷ Судя по всему, годам к 45–50 А. И. достиг известной гармонии между тем, что и как он хотел сказать, сохранив ее до конца жизни.

Проблема «что сказать» перед ним к этому времени уже давно не стояла. Присутствуя на научном заседании с участием Зайцева, можно было быть уверенным: на какую бы тему ни был доклад, он сумеет сказать по его поводу нечто существенное, не всегда обязательно оригинальное, но почти всегда общезначимое. О широте его интересов и энциклопедичности познаний говорили и писали не раз. Я хотел бы подчеркнуть другое. Талантливый человек обычно говорит о своем, особой чуткости к интеллектуальным проблемам других ожидать от него не приходится, если только они не созвучны его собственным. В А. И. меня всегда поражала уникальность его таланта, позволявшего ему держать в поле зрения и внимания всё то, чем занимались или в принципе могли бы заняться его коллеги и ученики. Раньше мне казалось, что одних таланта и широты интересов здесь мало, нужна была и огромная воля, сознательная готовность к тому, чтобы ответить на любой вопрос, касался ли он шумерской математики или прусского законодательства. Но вот свидетельство человека, отбывавшего срок вместе с 25-летним Зайцевым в Казанской психиатрической тюрьме:

«Хотя в Казани содержалось немало интеллектуалов, авторов солидных трудов, но другого такого, как Зайцев, не было. Физики, химики, врачи, инженеры спрашивали его мнения, будто он являлся специалистом именно в их области. На каком бы языке к нему ни обратились, он тут же безо всякого затруднения отвечал, не прекращая своего бесконечного хождения по кругу»⁸.

Эта картина хорошо знакома всем знавшим А. И., разве что в Ленинграде он уже не должен был ходить по кругу: постоянно занятый своими мыслями, он готов был в любой момент откликнуться на чужие. Похоже, что таким, каким мы его знали, он стал еще в юности, а не специально вылепил из себя педагогического подвижника, жертвующего ради других своими научными интересами. Может

⁷ Zaicev, 2003.

⁸ Zhmud, 2002, 7.

показаться, что не будь всех нас, вместе взятых, не будь у него многочисленных и добровольно возложенных на себя обязательств, Зайцев написал бы гораздо больше. Теоретически это так, а практически дома он занимался еще полудюжиной восточных языков, от иврита до санскрита, которым, насколько я знаю, он никого не учил, но которые считал нужными для своей научной работы. Так что и здесь, как мне кажется, он сумел достичь некоей гармонии между своими научными интересами и своей миссией учителя. Сколь ни разнообразны были темы его курсов, большинство из них так или иначе связаны с его самостоятельными изысканиями.

Вот что пишет В. П. Смышляева в предисловии к зайцевской «Метрике»: «Осенью 1979 г. Александр Иосифович сообщил мне, что впервые приступает к чтению лекций по стихосложению, чтобы облегчить мучительную для студентов интерпретацию греческих метрических размеров».⁹ Эту «Метрику» я читал раз десять, но и сейчас такая фраза как «Фалекиев одиннадцатисложник состоит из гликоinea и ямбической каталектической сизигии, имеющей форму бакхия» остается для меня столь же темной, как и в первый раз. У А. И. занятия метрикой нашли прямое отражение в его замечательной книге о происхождении гексаметра. В свою очередь, я помню, как осенью того же 1979 г., будучи на 3-м курсе, я осваивал книгу Буркерта о пифагореизме¹⁰ и жаловался А. И., что Буркерт буквально подавляет своими знаниями и интеллектом. Сам А. И. писал тогда свой «Культурный переворот», в котором нашлось место и для полемики с Буркертом, мне же он сказал следующее: «Леонид Яковлевич, Буркерт — дурак», а в ответ на мое недоумение разъяснил: «Да, он действительно знает и учитывает все, но когда дело доходит до решающего выбора, он оказывается неверным». Я думаю, что А. И. прекрасно понимал, что Буркерт не дурак, а один из самых выдающихся немецких классиков, достойный всяческого уважения, но тогда слова А. И. помогли мне сопротивляться гипнотизму аргументов Буркерта, против которых не устояло множество исследователей, до сих пор считающих, что тему науки и философии в раннем пифагореизме он закрыл навеки.¹¹

Читая Зайцева, интересно наблюдать, как его казалось бы далекие от классики занятия находят неожиданный выход в его трудах. Вот, например, фраза из книги о гексаметре, на которую уже обращал внимание А. Л. Верлинский: «Более того, homo sapiens вообще возник в одном центре и распространился повсеместно, вытесняя и истребляя неандертальцев; это была заря верхнего палеолита» (Зайцев, 2006, 60). Это сказано при обсуждении миграций праиндоевропейцев и сказано очень уместно, пусть и звучит неожиданно для индоевропейцев. В «Культурном перевороте», признавая внутреннее родство между вавилонскими решениями квадратных уравнений и греческими задачами на приложение площадей, он задает вопрос, а «мог ли кто-либо до Декарта уловить это родство и тем более — осуществить еще в V в. до н.э. сознательный перевод с алгебраического языка на геометрический?» (Зайцев, 2000, 215). Этот бесспорный аргумент в пользу независимого развития обеих традиций подразумевает не просто знание созданной Декартом аналитической геометрии, но и исторический подход к ней, столь редкий

⁹ Smyshl'aeva, 2010, 3.

¹⁰ Burkert, 1972.

¹¹ См., например: Burnyeat, 2007, 3–6.

для математиков. Вообще, к проблеме типологического сходства и генетического родства, проблеме кардинальной для любого сравнительного исследования, он обращался постоянно, и на занятиях, и в своих трудах. Вот одно из его характерных замечаний: «Поразительно, что ни в одной из всех своих работ, посвященных славянскому народному стиху, Якобсон ни разу даже не взвешивает вопрос о том, не является ли то или иное сходство типологическим» (Зайцев, 2002, 140, примеч. 31). Действительно, обыденному сознанию естественно принимать похожих людей за родственников, но почему так поступал лингвист Якобсон? Ведь и там, где мы не можем прямо спросить «Простите, Вы не брат Ивана Ивановича?», нужно, по крайней мере, ставить этот вопрос перед собой, а потом уже строить какие-то выводы.

Читая Зайцева, можно кое-что лучше понять и в нем самом. А. И. очень интересовался таким феноменом, как игра, ее психологическими и социальными аспектами. С игровым началом он связывал такие важнейшие проявления человеческого духа как творчество и агональную установку. О «родственном игре духе чистого соревнования» есть немало упоминаний в «Культурном перевороте», но сейчас я хотел бы обратить внимание на то, как игровое начало проявлялось у самого Зайцева. Известно, что многие талантливые и поглощенные своим делом люди любили иногда дурачиться, обычно в юности, но нередко и позже. Студент Лобачевский на спор перепрыгивал через идущего по лестнице преподавателя. Подпоручик Тухачевский, сидя в 1914 году в окопах, смастерил лук и посылал немцам записки оскорбительного содержания. Фотография седого Эйнштейна с высунутым языком всем хорошо известна. Жизнь А. И. поначалу складывалась так, что места для игры в ней, пожалуй, было еще меньше, чем для творчества. Арест и расстрел отца, лагерный срок матери, очень рано пришедшее понимание преступности режима, болезнь, блокада, эвакуация, собственный арест, годы психиатрической тюрьмы — всё это могло сломать и высушить и очень сильного человека. А. И. не сломался и, оставаясь внутренне человеком необыкновенно сосредоточенным, нередко удивлял окружающих неординарным поведением. Вот эпизод из недавних воспоминаний Ольги Ивановны об их лесных походах, в которых А. И. иногда оставлял жену и детей на вырубке, а сам шел дальше: «Однажды, возвращаясь ко мне, он радостно залаял. Этот лай был такой естественный, что ввел меня в заблуждение и очень напугал, так что вместо того, чтобы идти навстречу лаю, я затаилась на месте». Я убежден, что многие из более известных нам эпизодов — его значки с котами, клятвы Зевсом и прочие невинные шалости — были не проявлением эксцентричности, побуждающей, например, знаменитого классика Джонатана Барнса появляться на конференциях одетым в костюм XVIII в., и не старческими причудами, а проявлением родственного его творческой натуре игрового начала, находившего выход даже в самых страшных условиях. Ярким свидетельством этому служит рассказанная им своему казанскому сокамернику фантастическая автобиография: родился в эмиграции в семье князя Зайцева, окончил Гарвард, сражался с немцами во Франции, по заданию американской разведки был заброшен в Москву, захвачен на конспиративной квартире и так далее (Жмудь, 2000, 7).

Читая Зайцева, можно узнать много интересного, и сомнений в необходимости издать все его труды у меня никогда не возникало. Но вот сомнения в том, что их читают, появлялись не раз. Возникали они и у самого А. И. Я не видел рецензии

ни на один из уже вышедших томов серии, и событием в научной жизни они, по моему, не стали. Сейчас, положим, научная книга едва ли может стать событием в России, и всё же расходятся и воспринимаются такие книги по-разному. В опубликованном мною в интернете опросе о наиболее значительных книгах последних лет только один участник назвал Зайцева, это был В. В. Зельченко; имя Гаспарова встречалось в ответах гораздо чаще. Вообще, я давно заметил, что труды Зайцева гораздо лучше воспринимаются людьми, знавшими его лично, но ведь с годами их становится всё меньше. Особенно обидно за «Культурный переворот»,¹² немецкий перевод которого остался практически незамеченным.¹³ Даже в томе специальной международной конференции, посвященной этой теме, имя Зайцева фигурирует лишь в одной обзорной статье.¹⁴ В чем здесь дело? Сам А. И. полагал, что в его книге есть какие-то невидимые ему изъяны. Мне они, честно говоря, так же невидимы, как и ему. Да и на «Гексаметр» была только одна рецензия, написанная Ю. В. Откупщиковым.¹⁵ Может быть, русского и немецкого уже недостаточно, чтобы книга жила? Может быть, нужно переводить на английский? Но вот мне пишет коллега из Принстона, что собирается издавать неопубликованную немецкую версию «Диониса и прадионисийства» Вячеслава Иванова: «Как образец более широкой европейской классической филологии она бесценна». Оказывается, что Иванов со своим дионисийством, вполне созвучным началу XX в., вписывается и в XXI, даже и по-немецки.¹⁶ Зайцев же выбивался из своего времени, но и нынешнее, похоже, не спешит признать его своим.

Проблема, видимо, состоит в том, что перспектива, с которой написан, например, «Культурный переворот», противоположна многим современным тенденциям в антиковедении, да и в гуманитарных науках в целом. А. И. пытался объяснить то, как в VIII–V вв. до н. э. возникли вещи, определяющие нашу культуру сегодня: авторская литература, философия, наука, рациональная медицина. Сейчас такой взгляд на проблему многим кажется архаичным. Суммируя изменения, происшедшие за последние 30 лет, Филип ван дер Эйк, автор ряда солидных трудов по истории греческой медицины, пишет:¹⁷ вплоть до 70-х годов прошлого века было принято ссылаться на греческую медицину как на часть греческого чуда, наряду с литературой, философией, искусством и демократией. История медицины была историей успехов, ее использовали для того, чтобы показать, что уже греки стояли на победном пути, по которому идет современная медицина. С тех пор, продолжает автор, во многих областях классических исследований вера в греческое чудо выветрилась, если не окончательно исчезла. Благодаря постмодернизму, плюрализму, культурному релятивизму и компаративизму здесь произошли здоровые изменения, и старый, «узурпирующий» подход сменился новым, «отчуждающим». Различие между наукой и псевдо-наукой было отброшено как исторически неподтвержденное. Традиционный, содержательный подход уступает место контекстуальному, который ван дер Эйку кажется гораздо более интересным. В част-

¹² См. интересную рецензию лингвиста Анатолия Либермана, хорошо знавшего А. И., на первое русское издание «Культурного переворота»: Liberman, 1988, 250–251.

¹³ Zaicev, 1993. Ср. Zhmud, 2000, 4.

¹⁴ Papenfuß, Strocka, 2001, 230.

¹⁵ Otkupshchikov, 1997.

¹⁶ Iwanow, 2012.

¹⁷ Eijk, 2005, 5–6. Ср. Zhmud, 2008, 90–91.

ности, такой подход позволяет заметить «соревновательный характер греческой науки». Итак, то, о чем 30 лет назад писал Зайцев, ссылаясь на Буркхардта и Ницше, выдается за открытие эпохи отчуждения и постмодерна. Но даже и соревновательность ван дер Эйк трактует в риторическом духе, не как борьбу аргументов, а как стремление поразить публику и увеличить число поклонников.

А.И. не только не скрывал своего отношения к культурному релятивизму и всем его союзникам, но и ставил своей целью борьбу со складывающейся парадигмой отказа от причинно-следственных объяснений (Зайцев, 2002, 461). Ожидать от его противников столь же благожелательного интереса к его трудам, как и к прадионисийству Иванова, не приходится. К счастью, подобный подход еще далек от всеобщего господства, не все еще «архаисты» вымерли, да и среди «новаторов» не все готовы смириться с плюрализмом, понимаемым как равноценность всех мыслимых научных и ненаучных подходов.

Что можно сделать в этой ситуации? Пытаясь следовать изречению «мыслить глобально, действовать локально», я давно уже завел правило ссылаться на труды Зайцева во всех своих статьях и книгах, если это позволяет материал. Не знаю, как это действует на расстоянии, но в двух недавних статьях моих зарубежных коллег, которым я рассказал об этом правиле, я с большим удовлетворением встретил ссылки на «Культурный переворот». Замечу в завершение: очень важно при этом постараться избежать упреков в том, что мы чтим Зайцева в первую очередь потому, что он наш — российский, петербургский, университетский. Следует признать, что критический подход к наследию Зайцева с трудом дается тем, кто учился у него. А.И. с его склонностью к научным дефинициям называл это эмоционально-диффузным восприятием: любя кого-нибудь, мы с гораздо большей готовностью воспринимаем его слова. Справиться с этим полностью трудно, но можно как-то контролировать. В одном из наших последних разговоров Зайцев в ответ на мои слова: «А.И., но Вас же все так почитают» — сказал: «Лучше бы читали». Он не сказал «критически», но это и так следует из всего, чему и как он учил.

Литература

- Жмудь Л. Я. А. И. Зайцев и его «Культурный переворот», в кн.: Зайцев А. И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э.* СПб., СПбГУ, 2000.
- Зайцев А. И. *Греческая метрика: Учебное пособие.* Ред. В. П. Смышляева. СПб., СПбГУ, 2010.
- Зайцев А. И. *Греческая религия и мифология. Курс лекций.* Ред. Л. Я. Жмудь. СПб., СПбГУ, 2004.
- Зайцев А. И. *Греческая религия и мифология. Курс лекций.* Ред. Л. Я. Жмудь. М., Academia, 2005.
- Зайцев А. И. *Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н. э.* Ред. Л. Я. Жмудь. СПб., СПбГУ, 2000.
- Зайцев А. И. *Избранные статьи.* Ред. Н. А. Алмазова, Л. Я. Жмудь. СПб., СПбГУ, 2002.
- Зайцев А. И. *Исследования по греческой и индоевропейской поэтике.* Ред. Л. Я. Жмудь, В. В. Зельченко. СПб., СПбГУ, 2006.
- Откупщиков Ю. В. У истоков индоевропейского стиха, в: *Филологические записки.* Воронеж, 1997. Вып. 9, 257–259.
- Смышляева В. П. *Предисловие*, в кн.: Зайцев А. И. *Греческая метрика: Учебное пособие.* Ред. В. П. Смышляева. СПб., СПбГУ, 2010, 3–8.
- Burkert W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism.* Cambridge (Mass.), 1972.

- Burnyeat M. F. Other Lives, in: *London Review of Books* 2007, 29 (4), 3–6.
- Eijk, Ph. J. van der. *Medicine and Philosophy in Classical Antiquity: Doctors and Philosophers on Nature, Soul, Health and Disease*. Cambridge, CUP 2005.
- Iwanow W. I. *Dionysos und die vordionysischen Kulte*. A posthumous edition of Vyacheslav Ivanov's manuscript on Dionysiac Religion. Hrsg. Ch. Wildberg, M. Wachtel. Tübingen, Mohr Siebeck, 2012.
- Liberman A. Zaitsev (A. I.) Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII-V w. do n.è. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1985. [The Cultural Upheaval in Ancient Greece in the 8th-5th Centuries B. C.], in: *Journal of Hellenic Studies* 1988, 108, 250–251.
- Papenfuß, D., Strocka, V. M. (Hrsg.). *Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* Mainz, Philipp von Zabern, 2001.
- Для цитирования:** Жмудь Л. Я. Читая Зайцева. *Philologia Classica* 2016, 11, 2, 324–332. DOI: 10.21638/11701/spbu20.2016.211

References

- Burnyeat M. F. Other Lives, in: *London Review of Books* 2007, 29 (4), 3–6.
- Burkert W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge (Mass.), 1972.
- Iwanow W. I. *Dionysos und die vordionysischen Kulte*. A posthumous edition of Vyacheslav Ivanov's manuscript on Dionysiac Religion. Hrsg. Ch. Wildberg, Michael Wachtel. Tübingen, Mohr Siebeck, 2012.
- Liberman A. Zaitsev (A. I.) Kul'turnyi perevorot v Drevnei gretsii VIII-V w. do n. è. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo Universiteta, 1985. [The Cultural Upheaval in Ancient Greece in the 8th-5th Centuries B. C.], in: *Journal of Hellenic Studies* 1988, 108, 250–251.
- Otkupshchikov Ju. V. U istokov indoeuropeiskogo stikha [At the Origins of the Indo-European verse], in: *Filologicheskie zapiski*. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1997 (9), 257–259. (In Russian).
- Papenfuß D., Strocka V. M. (Hrsg.). *Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jahrhunderts v. Chr.* Mainz, Philipp von Zabern, 2001.
- Smyshlaeva V. P. *Predislovie*, [Introduction], in: Zaicev A. I. *Greek Metrics: A Tutorial*. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburskogo universiteta, 2010, 3–8. (In Russian).
- Van der Eijk Ph. J. *Medicine and Philosophy in Classical Antiquity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Zaicev A. *Das griechische Wunder. Die Entstehung der griechischen Zivilisation*. Konstanz, Universitätsverlag, 1993.
- Zaitsev A. I. *Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII-V vv. do n. e.* [The Cultural Upheaval in Ancient Greece in the 8th-5th Centuries B. C.] Ed. L. J. Zhmud. Sankt-Peterburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2000². (In Russian).
- Zaitsev A. I. *Izbrannye statji* [Selected Papers]. Red. N. A. Almazova, L. J. Zhmud. Sankt-Peterburg, Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2002. (In Russian).
- Zaicev A. Encore une fois à propos de l'origine de la formalisation du raisonnement chez les Grecs, *Hyperboreus* 2003, 9, 265–273.
- Zaicev A. I. *Grecheskaia religia i mifologia. Kurs leksii*. [Greek Religion and Mythology. A Lecture Course.] Red. L. J. Zhmud. Sankt-Peterburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2004. (In Russian).
- Zaicev A. I. *Grecheskaia religia i mifologia. Kurs leksii*. [Greek Religion and Mythology. A Lecture Course.] Red. L. J. Zhmud. Sankt-Peterburg, Academia, 2005. (In Russian).
- Zaicev A. I. *Issledovaniia po grecheskoi i indoeuropeiskoi poetike*. [Studies in Greek and Indo-European Poetics]. Red. V. V. Zel'chenko, L. J. Zhmud. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburskogo universiteta, 2006. (In Russian).
- Zaicev A. I. *Grecheskaia metrika: Uchebnoe posobie*. [Greek Metrics: A Tutorial.] Red. V. P. Smuyschiaeva. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburskogo universiteta, 2010. (In Russian).
- Zaicev, A. *Das griechische Wunder. Die Entstehung der griechischen Zivilisation*. Konstanz, 1993.
- Zaicev, A. Encore une fois à propos de l'origine de la formalisation du raisonnement chez les Grecs, in: *Hyperboreus* 2003, 9, 265–273.
- Zhmud L. Review of Ph. J. van der Eijk. *Medicine and Philosophy in Classical Antiquity*. Cambridge, 2005. *Classical World* 2008, 102, 90–91.

Zhmud L. J. A. I. Zaicev i ego "Kul'turnyi perevorot" [A. I. Zaitsev and His Cultural Upheaval], in: Zaitsev, A. I. *Kul'turnyi perevorot v Drevnei Gretsii VIII-V vv. do n.e.* Red. L. Ia. Zhmud. Sankt-Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2000² (In Russian).

For citation: Zhmud L. J. Reading Zaicev. *Philologia Classica* 2016, 11(2), 324–332. DOI: 10.21638/11701/spbu20.2016.211

READING ZAICEV

Leonid J. Zhmud

This paper presents a reflection on the personality and diverse scholarly and pedagogical heritage of a classical scholar, professor of Leningrad/St. Petersburg University Alexander Zaicev, written by his former student, colleague and the editor of his works. The author provides an overview of the series "From the Heritage of A. I. Zaitsev", characterizes lifetime and posthumous publication of his works, analyzes their perception in various circles, both university and beyond. Portrait of a teacher always responsive to his students, who determined scholarly paths, life principles and views on the ethics of professional work of several generations of Leningrad / St Petersburg classicists is inseparable in this paper from the methodology of scholarly research.

Keywords: Alexander Zaicev, scholarly heritage, history of classical philology, cultural relativism.

Received: 22.09.2016

Final version received: 06.11.2016